

Ком. праца. - 1997. - 210 кр. - с. 4.

Явление Майи

В Москве прошел балетный концерт «Явление Майи». Название точное. Плисецкая и есть явление

...В Мексике в отеле у меня украли побрякушки: клипсы, браслет, что-то еще. Без цены. Все же вызвали детектива. Детектив сказал: «Это что, вот когда у вашей русской балерины Майи Плисецкой в этой же гостинице украли бриллианты, вот тогда шум стоял! Пришлось покупать ей равноценные. Поехали в магазин, она указала пальцем: это и это».

Про Майю Плисецкую ходят легенды. В том числе про ее любовь к бриллиантам. Мне кажется, так и должно быть. Сама бриллиант, она должна любить бриллианты.

Свежесть молодости ничем нельзя заменить. Ее случай идет против природы. Рыжеватая молодая женщина с удлиненным лицом, сильными ногами и волшебной пластики руками была свежа и не слишком красива. Я видела ее на сцене Большого театра много раз. На наших с вами глазах она превращалась в звезду. Грим, черная обводка глаз, щедро накрашенные ресницы делали свое дело: она становилась эффектной и привлекательной. С годами - все эффектнее и все привлекательнее. В конце концов произошло чудо: Майя Плисецкая стала красавицей.

Тонкие черты лица, прекрасные глаза, не говоря уже о царственной посадке, на нее хочется смотреть, любое свиданье с ней - длить. Быть иначе, Пьер Карден не просил бы ее как модель носить его платья и шляпы. Она делала это - страшно сказать, во сколько лет! - переливаясь щелками, бархатами и мехами, легко, играющими затмевая профессиональных манекенщиц с мировыми именами.

Что держит ее в потрясающей форме, отменяя возраст и другие природные явления?

Именно то, что она сама - уникальное природное явление.

Она бриллиант и она же огранщик. Свой талант, как драгоценный камень, оградила она беспрестанным, жадным, настойчивым и упорным трудом.

В «Книге четвертой» Анатолия Эфроса, вышедшей после его смерти, читаем следующие строки: «Еще я вспоминаю один свой неожиданный опыт. Он связан с Майей Плисецкой. Она предложила поставить на телевидении тургеневскую повесть «Вешние воды», где сама бы не только танцевала, но и играла как драматическая актриса. Ее предложение показалось мне почти авантюрным...»

В книге только это. В жизни мне довелось услышать чуть больше:

- О ней говорят разное. О ее характере, капризах и так далее. Никаких капризов, никаких сбоев, это машина. Она знает, чего хочет и зачем. И делает это последовательно и твердо. Она - над: обстоятельствами и прочим. Когда же начинается непосредственная работа - она послушна и гибка, как девочка. Она может десять раз повторить позу или поворот головы, пока не убедится, что сделала то, что нужно, пока мы оба не удовлетворены. Она - царица. Она - необыкновенна как балерина и как актриса.

Вышедшие мемуары актрисы Марии Шелл открывают публике скрытое за семью печатями: многогодний роман Родиона Шедрина с актрисой. Даже дом в Германии, где живет композитор,

зия». То был один из первых, если не первый выход выдающейся балерины за пределы собственно классического танца, как его привыкли понимать.

Выход «за» - это стало ее стилем. Оттанцевав - великолепно! - старые балеты Большого, Плисецкая начала требовать новых, не похожих на привычные, других, своих, на которых мог бы стоять ее, Майн, знак. Ее судьба и счастье, что рядом был Родион Шедрин, композитор, друг, муж. Впрочем, в таких случаях и судьба, и счастье нанизываются на ту же огромную природную волю таланта, которая ведет. В реальности было много романтики, как признается Плисецкая в автобиографической книге «Я, Майя», где стоит посвящение: «Шедрину». Меж ним и ею образовалась прочная внутренняя связь. Хотя...

Вышедшие мемуары актрисы Марии Шелл открывают публике скрытое за семью печатями: многогодний роман Родиона Шедрина с актрисой. Даже дом в Германии, где живет композитор,

не Эгина, скажем, в «Спартаке» Арама Хачатуряна, бывшая одной из наиболее выразительных и мощных партий молодой Плисецкой в старом Большом? В новых балетах соединились прежний, ничуть не ослабевающий дар и усиливающийся, увеличивающийся внутренний опыт душевной и духовной жизни. Впрочем, давний трагический и просветленный «Умирающий лебедь» Сен-Санса остается непрерывной, вечной вершиной ее творчества.

Про балетных иногда жестоко шутят, что дальше них - только Муму: драматические актеры-де читают пьесы и оттого все же мыслят головой, балетные читают только либретто и мыслят они исключительно ногами.

Плисецкая умна. И это еще одна важная грань, которая делает ее выдающейся фигурой в балете. Она мыслит своей рыжеволосой головкой и мыслит так, что раз от разу все интереснее читать и слышать ее интервью в газетах и на ТВ. Немногочисленные. Она ли дозирует свое представление в средствах массовой информации и не допускает до себя репортеров, или репортеры нелюбопытны - факт остается: она - редкость. Но тем ярче ее появление. Впечатления от них: взвешивает слова, хотя никогда за словом в карман не лезет, тактична, мягка, не откровенна, но искренна, самостоятельна, своеобразна, интересна, бездонна.

Она родилась в артистической семье Мессереров, и можно было предположить,

что все у нее сложится удачно: она наследовала генетику, имя, славу династии. Получилось не совсем так, а может, совсем не так. Молодой балерине пришлось туда. Не только потому, что, как водилось в Советском Союзе, арестовали отца, потом мать. Но и потому, что в профессии ее душили зависть, равнодушие, враждебность коллег. Она была слишком самостоятельной и независимой. И слишком талантливой, что без руки, без поддержки может оказаться

«Недоказуем постулат - пасть по-плисецки на колени...» (Андрей Вознесенский).

предосудительным. Балетные плели интриги - режим умело использовал ситуацию. Она много лет оставалась «невыездной»: сейчас забыли этот термин, а был он, как клеймо. «Невыездными» делала людей причастность к государственным секретам - какими «госсекретами» владела солистка балета? Чиновники распространяли правило на любых неугодных. Майя была неугодна. Конечно, у нее имелось огромное количество поклонников, среди них - высокопоставленные. Конечно, она могла прошибить стену с их помощью. Выходит, не могла. Либо из гордости: не шла на все, на что нужно в таких делах. Либо ее противники преуспели больше в своем искусстве.

Она оставалась верна своему искусству.

Балерину надо видеть. Иначе она обречена быть известной только в узком кругу. Майя танцевала так в России, что о ней, не видя, заговорили на Западе. Бежар и другие знаменитые постановщики приезжали в Москву, чтобы взглянуть на нее. Увидев, убеждались: она танцует даже лучше, нежели о том говорят. Счастьем Бежара станет танец, который он поставит для Майи.

Когда ее выпустили наконец за границу, интриганы,

природы и человека, каждое озарение переживаются с огромной силой, будто в последний раз...

«Но я предупреждаю вас, что я живу в последний раз», - писала другая царица поэзии - Анна Ахматова. Она знала, что вкладывает в эти слова.

Майя приезжает на родину снова и снова, организуя конкурсы, показы, концерты, самим своим явлением возрождая славу России - ее балет.

Она не боится обнародовать цифры. «Мгновенных пятьдесят лет, долгих-долгих пятьдесят лет я ожидаю своего выхода в последней кулисе на мужской стороне. Может, сегодня мой звездный час?» - заканчивает она автобиографию.

В книге «Тайна имени» имя «Майя» расшифровывается как «Богиня весны».

Великая Майя с нами - как вечная весна.

Ольга КУЧКИНА.

Пьер Карден просил Майю носить его платья и шляпы. А Родион Шедрин написал для Плисецкой балеты «Кармен», «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой»

Майя не зря обратилась к Анатолию Эфросу. Глубже Эфроса на театре никто из современников не заглянул в психологию личности, не вскрыл человеческой драмы.

Плисецкая сохранила и сохраняет по этому поводу видимое олимпийское спокойствие. А что до невидимого... На то оно и невидимое.

Родион Шедрин написал для жены «Кармен», «Анну Каренину», «Чайку», «Даму с собачкой» - Майи шедевры поздних лет. Почему шедевры, на мой взгляд, они, а

купила и подарила ему Шелл. Шедрин был причиной неудавшегося самоубийства бывшей кинозвезды. Плисецкая сохранила и со- хранила по этому поводу видимое олимпийское спокойствие. А что до невидимого... На то оно и невидимое. Телевизионный фильм назывался «Фанта-